

Максим НИКУЛИН:

Известия - 1999 -
26 сент. - с. 10

Цирк — искусство традиционное

Придет день, и перед цирком на Цветном бульваре появится не-обычный памятник: автомобиль, из которого, приподнявшись, вы-глядывает человек — мятая кепочка, блаженная улыбка, полуот-крытый рот... Ба, да это же Балбес из «Кавказской пленницы», бывший хозяин цирка на Цветном, знаменитый клоун, человек, ко-торого никому не надо было представлять. Юрий Владимирович Никулин вернулся в свой дом. Деньги на памятник собирает фонд, которым руководит Борис Бельский. В преддверии нового сезона о Никулине, цирке и о себе рассказывает сын Мастера, директор цир-ка на Цветном бульваре Максим НИКУЛИН.

— Что в Юрии Владимирови-че было главным?

— Его уникальность заклю-чалась в том, что он всегда был самим собой — и в кабинете ху-дожественного руководителя цирка, и дома, и на улице. Ни разных моделей поведения, ни масок: он, как Владимир Абра-мович Этуш, как Сергей Юр-ский, никогда не играл в жизни, был одинаков и с президентом, и с шофером, и с артистом. Это качество невозможно в себе воспитать — с ним нужно род-иться.

— Быть художественным ру-ководителем театра нелегко: что бы ты ни делал, многие все равно будут тебя ненавидеть... А Никулин никогда не был похож на того, кто может распоряжать-ся человеческими судьбами.

— В цирке все обстоит иначе. Здесь невозможно занять чужое место — и это сразу снимает ог-ромное количество проблем. Цирковые люди не завидуют друг другу. Это отдельный, непо-хожий на шоу-бизнес мир: у них слово «семья» является синони-мом мафии, а у нас — дома. Тут нет конкуренции: в советское время цирковые толкались из-за зарубежных поездок, а сейчас за границей работают все, кто там нужен. Мы мирные люди: дрес-сировщик медведей не может за-видовать акробату, а акробат — жонглеру. К тому же это очень тесный круг — люди дружат, рождаются семьями... Юрия Вла-димировича никто не ненавидел, а вот ему пришлось многое в се-бе ломать.

Он был мягким человеком, и ему пришлось научиться гово-рить «нет», пришлось вырабо-тать в себе разумную жест-кость... Но он с собой справил-ся. И я тоже.

— Артисты цирка живут по-разному. Кто-то существует на мизерную ставку, другие получа-ют большой оклад и зарабатыва-ют тысячи долларов на зарубеж-ных гастрольях...

— Работая за рубежом, ребята получают гораздо больше, чем в среднем по России — процентов шестьдесят моих штатных арти-стов сейчас выступают на Запа-де. Но в цирке на Цветном они зарабатывают ненамного мень-ше, чем там, — в нашей про-грамме все номера относятся к экстра-классу, и они должны быть соответствующим образом оплачены. Мы вкладываем в их подготовку свои деньги, пере-одеваем артистов, переписываем музыку. И живем, окупаем себя — Москва выделила средства на свет и оборудование, а на все ос-тальное зарабатываем сами. Че-стно говоря, я не понимаю, из-за чего цирк может прогореть, по-чему артисты иногда бывают вы-нуждены жить впроголодь. Цир-ку, работающему в провинциаль-ном городе, всегда готовы по-мочь и губернатор, и мэр — чем же в таком случае директор за-нимается?

— Насколько я знаю, дирек-тора многих цирков занимают-ся тем, что активно воруют. Насколько наш цирк коррупци-рован?

— В цирке украсть нечего.

— А материя? А неучтенная аренда?

— Бархат воровали в совет-ские времена. Теперь он никому не нужен — подпольные цехи ос-тались в прошлом. Квадратные метры, конечно, воровать мож-но, но ведь это, в конечном сче-те, копейки. В каждом цирке что-то сдается: где-то ресторан, где-то магазин. Но все это, как правило, идет в его же бюджет.

«Левый» путь опасен, на неуч-тенке в два счета можно сло-мать себе шею. Еще пять лет на-зад ко мне приходили люди: «Давайте мы у вас ночное казино откроем». Но я знаю эту публику — пусти их в свой дом, а потом они тебе же башку отшибут. И спонсоры являлись: «Если надо, мы тебе пару миллионов долла-ров принесем в чемодане». Я от них просто бегал — возьми день-ги, а потом уже не отмажешься. Теперь, слава богу, меня с этим уже не тревожат.

— Оно и понятно: цирк на Цветном бульваре любит Луж-ков...

— Да, наверное, мы защище-ны теми отношениями, которые у Юрия Михайловича были с от-цом. Они дружили, перезванива-лись, обменивались анекдотами. Лужков еще два года назад спра-шивал — чем вам помочь? Я от-ветил, что пока нам ничего не надо, а если случай подойдет, то мы обратимся. Не люблю нико-го ни о чем просить — к этому ведь и привыкнуть можно...

— Когда неподалеку от ваше-го цирка поставили шашито, вы его кое о чем все же попросили.

— Было дело. Он так и рявк-нул: «Убрать!» Но что мне было делать: люди сходят в плохой цирк, а потом и в хороший не пойдут, решат, что и у нас то же самое. Мы как-то приехали на гастроль, а директор местного цирка наши билеты отказался продавать — все равно люди не пойдут. Мои ребята пошли тор-говать билетами на базар, так им

там чуть морду не набили: хватит с нас вашей муры, наелись. А когда начались представления, люди приходили за кулисы и го-ворили, что такого цирка они не видели никогда в жизни.

— Ну, конечно, такой труппы и такого главного режиссера, как у вас, в провинции не было и нет.

— Весь этот год мы ломали стереотип, который был создан за время пребывания на этом по-сту Валентина Александровича Гнеушева.

— Чем он вас не устроил?

— Валя — очень талантливый человек. Но последние года два он жил прошлым, и работы у не-го были неважные.

— А мне казалось, что он на своем месте: в цирк пришел че-ловек с опытом театральной ре-жиссуры, новым, свежим взгля-дом на предмет, интеллигентно-стью...

— У Вали две беды. Первая — горе от ума, вторая — отсутствие внутренней культуры.

— Вы хотите сказать, что он не слишком ладил с людьми...

— Ценю ваш эвфемизм. Он с ними совсем не ладал — при-чем с самого начала. Людей можно обижать, но унижать нельзя. Тем более не надо стро-ить на этом все общение. На од-ной чаше весов был несомнен-ный Валин талант, на другой — вся работа коллектива. Я не мог рисковать отлаженным, работа-ющим, как часы, внутренним механизмом нашего цирка. Лю-бой диссонанс здесь может иметь самые скверные последст-вия — на арене люди рискуют жизнью, там они должны думать не о склоках, а о деле.

— Кто же заменил Гнеушева? За последние годы сильный главный режиссер стал маркой цирка на Цветном бульваре.

— Да, к сожалению. После ухода Валентина Александрови-ча писали, что у нашего цирка была возможность стать лиде-ром, но он ее упустил. Но я не

считаю, что цирку необходимо новаторство — когда вагоново-жатый ищет новых путей, трам-вай сходит с рельсов. Цирк — искусство традиционное, массо-вое, глубоко народное — к нова-циям здесь нужно относиться осторожно. Мы должны быть приятны всем зрителям — пусть им что-то не понравится, но они должны понять представление. А Валины программы элитарны, это не тот цирк, который любит масса. То, что он делает, инте-ресно, спорно, сильно — одни приходят от его программ в вос-торг, другие их на дух не прием-лют. Но из года в год строить на них работу огромного коллекти-ва нельзя.

— В России есть большие со-стояния, сколоченные на цирке?

— В России на цирке не зара-ботаешь. В мире есть очень бога-тые цирковые продюсеры, но там он является процветающей отраслью шоу-бизнеса. Одзума-сан занимается им в Японии, Майкл Джордан — в Австралии, Цирк дю Солей — вообще мил-лиардное дело... Как правило, в цирке работают продюсерские династии, и наследник продол-жает дело отца — цирк нужно очень хорошо знать, здесь полно нюансов, непонятных человеку со стороны. Но будь у нас подхо-дящие для этого условия, цирко-вые продюсеры развернулись бы и в России.

— Шоу-бизнес у нас тем не менее сложился, там есть очень богатые люди. Почему же они до сих пор не обратили внимания на цирк?

— Для деятелей нашего шоу-бизнеса цирк интереса не пред-ставляет. Они привыкли рабо-тать на диком рынке, их интере-суют двести-триста процентов прибыли, не меньше. Гораздо проще засадить в Олимпийском концерт Фили Киркорова, по-делить деньги пополам и разбе-жаться. Занятия цирком требу-ют постоянства и большого

Программка представления, которым цирк на Цветном бульваре открывает нынешний сезон

труда, а от этого у нас отвыкли. — Вы отпустите в цирковые своих собственных детей?

— Отпущу. Они на Цветном целыми днями пропадают: «Я пойду к медведю, я пойду обезьян смотреть...»

— А потом на пенсию в трид-цать лет, в униформисты...

— Не хочется в это верить. Но пусть они свой выбор сделают сами — меня ведь отец никуда не толкал.

Алексей ФИЛИППОВ